
Екатерина БЛЫНСКАЯ

* * *

Когда ты лишь виляй-река,
петлиста и безрыбна,
и ломаного лозняка
нисколючко не стыдно,

и выеденным берегам
ты древняя сестра лишь,
когда ни здесь, когда ни там,
нигде своей не станешь,

когда ты отражаешь свет,
но далеко не синий,
когда на дне лишь вторчермет
да гнутый алюминий,

когда ты дрянь, а не река
и умерла для мира
и горько плачут облака
в твои гнилые виры,

когда ты вытравлена вся,
смертельна рыбам донным
и километров пятьдесят
в коллекторе зловонном

течешь под городом-костром
слепая, но живая
и роет алчный Метрострой
тебя перерывая,

ты все равно родник струишь
из каждой новой раны.
Ты все равно себя стремишь
навстречу океану.

Екатерина Николаевна Блынская родилась в Москве в 1979 году. Поэт и писатель. В 1998 году окончила Театральную мастерскую Ролана Быкова, работала в театре. Окончила Экономико-гуманитарный институт (юридический факультет) и Высшие литературные курсы. Член Союза писателей XXI века и Союза кузбасских писателей. Публиковалась в журналах «День и ночь» (Красноярск), «Зинзивер», «Сибирские огни», в газетах «Поэтоград» (Москва), «Литературные известия», «Литературная Россия». Автор четырех поэтических книг.

* * *

Слова из другого века: гарнитур, габардин,
водоэмульсионка... да что с тобою?
С мамой ходил в хозяйственный магазин
и покупал обои.
В садике плохо ел овсяный кисель
и ненавидел подмокший слегка лапшевник.
Ах, вот что ты помнишь! Да ты, вообще, отсель,
абориген? Кочевник?
Волшебник обезлюдевшего двора,
румынской стенки восторженный добыватель...
Ты спекулировал у «Будапешта» с утра,
а вечером шел подстригаться к Ладе.
Выкуривали пачку «Родопи» напополам
и выпивали, закусывая на шару,
и было неясно, было неважно вам,
что там поет Ротару.
В столе заказов крабы на Новый год,
икорка килограммовая в банке плоской.
А ты одевался тогда в заграничный шмот
и часто стоял в «Березке».
Ты не представлял себе современный кич...
Был бы на завтрак сырок и стакан кефира.
И как ты рыдал, когда Леонид Ильич
кончился для эфира?..

* * *

Мы прощались под дубочком, под дубком.
Ты утер слезу скупую кулаком.
Ты меня легко подкинул над травой
и к щеке моей прижался головой.
И была она шальна и нетрезва,
твоя юная, лихая голова.

Пролетали одинокие деньки,
и немного подросли мои дубки.
Полюбил ты больше звезды-ордена,
причесала тебе голову война.
И не думал ты про мирное житье,
и не верил ты в бессмертие свое.

Ты не думал. Ты тогда не понимал.
Где ты только, с кем ты не повоевал...
Просыпая папиросы на окоп,
от досады окаянной морщил лоб.

Опрокинув флягу горькую, глотком,
отбивался от противника штыком.

А дубки стремились к солнцу и теплу.
И Бессмертие играло на полу.
Ты не знал, что я ночами не спала...
Вот идет оно, от стула до стола,
вот впервые под зеленые дубки
направляет свои робкие шажки...

А вернувшись, не узнал ни дом, ни сад.
Не узнал моей косы тяжелый ряд.
Не узнал моих испитых горем глаз.
Лишь Бессмертие соединяло нас.
Потрепала твою голову война...
Голова твоя седа, а не юна.

И единственное, что я сберегла,
только пропасть неизбытого тепла.
Все, на что теперь годна моя душа,
подвести к тебе за ручку малыша,
чтоб сказал ты мне, забыв про столько зим:
«Познакомь меня с Бессмертием моим».

* * *

В простоте без обид, если дом твой бумагой набит.
Но сними с языка раскаленное олово слова,
и поймешь, что кипишь, словно брошенный в лужу карбид,
и уже ничего, ничего не осталось иного.
Томный зяблым мерцанием инистый свет фонаря,
на который слетаются жадные белые мухи,
и дыханье тошнотного, праздничного января,
из которого если и выйдешь, то только не в духе.
Шитый бисером город сияет в канун торжества,
освежая московское небо сияньем нездешним...
А тебя не позвали, тебя будто видно едва
из годами не мытых окон и квартир надоевших.
Погуляют и хватятся, мало им. Мало забот
удержаться в отпущенном времени жизни короткой.
И когда тебя снова о жесткий асфальт юзанет,
Ты не жалуйся больше, а просто заканчивай с водкой.

* * *

То ходит над гиблой мелью шайтан-вода,
и рыбы мерцают серебряные, как срезни.
И кто-то все чаще и глуше зовет туда,
то окликом долгим, то заунывной песней.

Но ты же меня не отпустишь на тот песок,
где дрогнет любовью, неродную росу потрогав...
Сияет пространство, и плавится дня виссон,
и в небе несколько аистов белолобых.
А скоро, о, как же скоро случится вдруг
лишь помнить туманно о чем-то случайно данным!
Кадильный угар полыни и острый дух
цветущего рапса на плетеве полотняном.

* * *

И с каждым днем становится спокойней.
Что ты на месте — чувствуешь хребтом.
Ты поднимаешь время, как подойник,
несешь его наполненным ведром.
Ни от кого не пряча суверенно
свои морщины, как свои труды,
ты рад, что наконец у края сцены,
недалеко от неба, от воды.
И ничего, что, чувствуя бескрылость,
любую жертву можешь ты принести.
Хотя тоскуешь по тому, что было,
безудержней, чем по тому, что есть.
И вот причины выжить стали вески,
Но ты в себя как будто бы ушел,
где стынет тень твоя под переплески
забвенных лет и невозвратных волн.

* * *

О, как долгод путь к золотому дну!
Я уже напраслины не верну,
дурачка дурацкого не включу,
мотыля шипастого не схвачу.
Обметали озеро рыбаки...
И горят стрельчатые плавники,
лишь бы Бог упас, а потом держись:
обещай икринкам другую жизнь.

О, как долгод путь к золотому дну!
Шепчутся вверху: «Доставай блесну!»
Еле-еле слышится: «Подсекай!»
И смердит от чадного косяка...
Даром нас водиченька не отдаст!
Но бывает зимородок клюваст...
Ходят щуки старые в камышах,
стебельки подводные шелуша.

Спинку я скругляю, ерша плавник,
то, что братец мой вдругоря поник,
выпуклыми глазками поводя —
это от давления,от дождя...
Ну, а мне, так, видимо, суждено
отыскать свое золотое дно.
Все-таки я верю... Моя взяла!
Ухожу со скоростью в полузла.
Ни живца не трогаю, ни блесну...
К своему плыву золотому дну...